

БИБЛИОТЕКА АЛЬМАНАХА «СЛОВЕСНОСТЬ»

Книжная серия
«Визитная карточка литератора»

АЛЕКСАНДР ОЛЕЙНИКОВ

СЕЧЕНИЕ ЗАХВАТА

Короткие рассказы длиной в жизнь

СОЮЗ ЛИТЕРАТОРОВ РОССИИ
МОСКВА

Вест-Консалтинг
2013

А. Олейников. Сечение захвата. *Короткие рассказы длиною в жизнь.* – Литературный редактор: Владимир Глянц. Подготовка к изданию: Нина Давыдова. – М.: Вест-Консалтинг, 2013. – 48 с.

Александр Яковлевич Олейников – родился в 1939 г. в г. Ленинграде. Весной 1942 г. был вывезен по «Дороге жизни» из блокадного города. С 1944 г. живёт в Москве. В 1962 г. закончил физический факультет МГУ. Всю жизнь работает в академическом Институте радиотехники и электроники, ныне им. В. А. Котельникова; доктор наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ. Со студенческих лет писал стихи, но его первой и единственной публикацией долгое время оставалась пародия на А. Вознесенского «Сибирские бани» в альманахе «День поэзии 1960». Некоторые стихи публиковались в прессе «местного значения», например, в газете «Троицкий вариант». Ближе к концу научной карьеры, в 2009 г., опубликовал книгу «Стихи», собрав большее из того, что написал за свою жизнь, и был принят в Союз литераторов России. В 2011-2013 гг., по представлению Союза литераторов, стал госстипендиатом в номинации «Выдающиеся деятели культуры и искусства России».

В 2012 году, в серии «Визитная карточка литератора» (Библиотека альманаха «Словесность») вышел поэтический сборник А. Олейникова «Уходящая натура».

Книжка, которую Вы сейчас держите в руках, содержит коротенькие рассказы автобиографического характера и поэтому названа «Сечение захвата». Это название из области физики, видно, автору всё же не даёт покоя полученное образование.

ISBN 5-86676-033-9

Заказное издание
Книга выпущена в авторской редакции

- © А.Я. Олейников, рассказы, 2013
- © В.М. Глянц, литредактор, 2013
- © Союз литераторов России, идея издания, 2013
- © Вест-Консалтинг, оригинал-макет, верстка, 2013

*Здесь спит поэт, почивший в бозе,
Похожий чем-то на Пьеро.
Но зря в художественной прозе
Своё он пробовал перо.*

Эпиграф, который потом станет эпитафией

В раннем детстве

Мама любила рассказывать случай, который произошёл, когда мы ещё жили до войны в Ленинграде, и мне было года два. Зима, мама ведёт меня по улице, сильно закутанного, за ручку. Останавливается какая-то согбенная бабуся, пристально рассматривает меня и спрашивает: «Это кто-же, мальчик или девочка?» Мама, немного обиженная, с гордостью отвечает: «Мальчик!». И тут бабуся неожиданно начинает причитать: «И миленький, и несчастненький...». Мама страшно оскорбляется и говорит: «Это почему же несчастненький?» Бабушка отвечает: «Алименты замучают!».

Как в воду глядела, старая.

Посадка деревьев в МГУ

Когда мы учились на первом курсе физфака МГУ, нас однажды послали сажать парк за нынешним метро «Университет». Тогда, в 1956 г., этой станции ещё не было. Задача была весьма простая: надо было выкопать ямку, посадить саженец, рядом вбить грубо обтёсанный кол, привязать саженец к колу пеньковой верёвочкой и полить водой. Мы справились с этим достаточно быстро и отправились по домам. Через год мне почему-то стало интересно посмотреть, как там наши посадки? Приехав, я обнаружил, что все саженцы засохли, а все колья дали ростки с листочками. На ум пришли разные народные мудрости, типа «Не знаешь, где найдёшь, где потеряешь». С тех пор я всегда, задумав какое-нибудь начинание, мучаюсь: что-то из этого вырастет?

Впрочем, жизнь мало чему меня учит.

Как я не стал великим русским писателем

В молодости я хотел стать писателем, конечно, лучше знаменитым. И я знал, что знаменитые писатели обязательно ведут записные книжки, куда заносят короткие зарисовки и отдельные мысли. К этому времени я прочёл записные книжки Чехова и Ильфа. Осталось завести свою книжку. Наиболее подходящими для этой цели были блокнотики карманного формата в клеённой обложке с одной скрепкой. И вот, я купил такой блокнотик и носил его всегда с собой во внутреннем кармане куртки или пальто. И даже начал заносить туда отдельные мысли, заполнив несколько страничек. Но тут произошёл такой печальный случай. Меня ужасно прихватил живот. Это стало со мной случаться после целины, когда я испортил желудок местной пищей. И произошло это на станции Химки Октябрьской железной дороги. Естественно, я отправился в станционный туалет. Туалет был устроен так, что имелись кабинки с «очком», притом стенки кабинок были в половину человеческого роста. Таким образом, заняв позицию «орлом», ты видел головы соседей слева и справа.

Когда я избавился от страданий, мне, естественно, понадобилась бумажка, и мне ничего не оставалось, как достать сокровенный блокнот и вырвать из середины пару чистых листочков. Но тут из кабинки слева ко мне обратился мужичок: «Брат, бумажки не дашь?» Я, естественно, вырвал и для него. Тут потянулась рука справа с той же просьбой, и я опять пошёл навстречу, хотя стал понимать, что неисписанные листки скоро кончатся. Тут же последовали просьбы и из более дальних кабинок. Что делать? Я встал перед выбором: что мне дороже – люди, народ, для которых пишут великие писатели, или свои замечательные мысли. И я выбрал народ. И через минуту остался, держа в руках клеённую обложку с разогнутой скрепкой посередине. Ничего не оставалось, как спустить эту обложку в «очко».

Больше, почему-то, я не заводил записных книжек и, видимо, поэтому не стал великим русским писателем.

Мой Серебряный Бор

В Серебряном Бору мы поселились с женой и двухлетним сыном Алёшей в 1965 или 1966 г. Мы снимали полдома в кооперативе старых большевиков у семьи Николая Подвойского. Как известно, Подвойский, один из очень немногих представителей «ленинской гвардии», умерший в своей постели в 1948 г. Кооператив старых большевиков был организован в 1924 г. на месте сожжённого крестьянами во время революции имения. Мне всегда казалось симптоматичной эта дата – не успел Ленин помереть, и тут же соратнички создали кооператив. Правильно писал философ Эрнест Радлов ещё в 1912 г. о том, что построить общество на коммунистических началах нельзя. На месте барского дома построили большой двухэтажный дом типа «вороньей слободки», а в уцелевшем домике садовника поселились две семьи, одна из которых и была семьёй Подвойского. Жизнь этого кооператива частично описана в романе Ю. Трифонова «Старик». Я застал в живых двух дочерей Подвойского, типичных белотелых поповен. Ведь Подвойский родился в семье сельского священника-учителя и учился в духовном училище, затем в духовной семинарии. Одна из дочерей была замужем за Андреем Яковлевичем Свердловым, в те годы сотрудником Института Маркса-Энгельса, а до дела Бериин – следователем по особо важным делам МГБ. После ареста Бериин А.Свердлова тоже посадили, но через полгода выпустили. После отсидки в этой семье появился ещё сын, естественно, Яша, который был лет на 15 младше своей сестры. Наблюдать эту семейку было очень интересно.

Кооператив был обнесён зелёным забором, а внутри поделён какими-то заборчиками на участки странной формы и непонятных размеров. К нашему домику прилегал самый большой участок, соток, наверное, в 10. Изначально внутренних заборчиков не было, но оказалось, что Н. Подвойский, кроме всех прочих дарований, ещё был и нудистом. Когда он вылезал из малинника в чём мать родила, большевички разбежались с визгом, готовые к мировой революции, но не к такому зрелищу. И поставили вопрос на собрании кооператива. Тогда Н. Подвойский взял да и огородил большой участок, приле-

гающий к его домику, и стал ходить голым по этому участку. Этот поступок окончательно возмутил кооператоров, и общее собрание потребовало от Подвойского снести забор. Но заставить его не смогли. Всё-таки, он был среди них самой крупной фигурой. Как гласят энциклопедии – «одним из организаторов Октябрьской революции, членом Военно-революционного комитета, его бюро и оперативной тройки по руководству Октябрьским вооружённым восстанием, а в дни восстания – зампреда военно-революционного комитета и одним из руководителей штурма Зимнего дворца». И тогда остальные бросились устанавливать свои заборчики на еще не поделенной земле. Кому досталась грядка, кому – полклубы, отсюда и странные формы участков. Но некоторые пункты Устава кооператива семья Подвойского соблюдала свято. Согласно Уставу, сдавать помещение посторонним лицам, таким как я, было запрещено. Но было одно исключение. В домике садовника находился водомер, который измерял расход всей воды, использованной кооперативом. В силу этого исключения на зимний период семья Подвойского разрешалось пускать посторонних, но бесплатно, за одну только оплату коммунальных услуг. Такие расходы я мог себе позволить, даже будучи младшим научным сотрудником.

Жизнь в Серебряном Бору не в дачный сезон была таким раем: дом с котельным отоплением, холодильник, газовая плита, телефон, сад. О чём ещё можно мечтать? На работу я ездил на троллейбусе № 20, который и сейчас ходит от «круга» в Серебряном Бору до гостиницы «Националь». Единственное – троллейбус шёл около часа, зимой, бывало, промёрзнешь, и мама, пожалев меня, купила мне шофёрский полушубок на белой овчине с брезентовым покрытием.

Всё давно уже кануло, описанные люди давно умерли, строй сменился, а этот полушубок, весьма сильно потрёпанный, до сих пор живёт в моём деревенском доме.

Порой думается, что пора от него избавиться, но он – моя память о Серебряном Боре.

Большой концертный рояль Мясковского

Хирург, который заменял мне оба тазобедренных сустава, говорил: «Первопричиной Вашего заболевания служит позвоночник. Все беды от него!». И я стал задумываться – с чего же всё началось? Конечно, работа у меня сидячая, но у большинства моих сослуживцев и друзей она тоже сидячая, однако они так не страдают! Перебирая события молодости, я вспомнил, что впервые радикулит прихватил меня после байдарочного похода. Действительно, когда проводишь байдарку на перекатах, долго находишься в холодной воде в согнутом состоянии. Но, ведь, не я же один! Роясь дальше в памяти, я вспомнил такой случай. Когда мне было лет тридцать, я ещё с двумя приятелями проводил майские праздники на Николиной горе, на даче, которую снимали родители моей жены. Кроме нас на даче в то время никто не жил. Развлечений, кроме выпивки, было мало, и мы додумались до следующего. На даче стоял большой концертный рояль, по преданию принадлежавший знаменитому композитору Николаю Яковлевичу Мясковскому. Не исключено, что за этим роялем он сочинил свою бессмертную 6-ю симфонию. И вот мы придумали соревнование: кто подлезет под рояль и постарается, упёршись ногами в пол, а «горбушкой» – в дно рояля, оторвать все три ножки от пола. Про «поднять» – не могло быть и речи. Но и эта задача была непростая. Не знаю, сколько весит такой рояль, но не мало, раз его перекатывают по сцене два человека. Трудность задачи – оторвать от пола – в том, что очень непросто «поймать» центр тяжести и одновременно приподнять все три ножки. Интересно, кто придумал это ласковое слово «ножки», учитывая их толщину. Также ласково говорят пациенту «ножки» врачи, какие бы опухшие ноги не были. Победивший в соревновании получал в награду четвертинку, которую, конечно, распивали все трое, и продолжали дружно соревноваться. Вот здоровье было немереное! Сейчас страшно подумать!

Не тогда ли я и повредил спину?

4 фунта лиха

С конца 60-ых годов мы часто ездили отдыхать на Валдай в деревушку с замечательным названием – Нелюшка. Что это название означает, так нам и не удалось узнать. Нелюшка стоит на высоком месте и окружена тремя озёрами. С неё открывается прекрасный вид на озеро Ужин, соединенное с Валдайским озером протокой, которую прорыли монахи в незапамятные времена. Колхоз, в который входила Нелюшка, был льноводческим, притом колхозом-миллионером, хотя на благосостоянии жителей это никак не сказывалось. Мы заставали время, когда лён цвёл красивыми голубыми цветочками. Первая жительница, с которой мы познакомились, звалась Наталья Ивановна, оставшаяся у нас в воспоминаниях как «бабка-Наташка». Сколько ей было в то время лет, сказать не могу, но зимой 41-42 гг. была она кормящей матерью-одиночкой. Женщин гоняли по разнарядке на лесоповал, и выпало ей работать за 50 км. Каждую ночь она добиралась на попутках покормить грудью сына и сцедить молоко на дневное кормление, а к утру снова поспевала на работу. А за опоздание в военное время давали срок. Картина, видимо, для войны типичная, если вспомнить знаменитую повесть и фильм «А зори здесь тихие». Всего у бабки-Наташки было трое детей. Старшая жила в Таллине, Миша, ради которого она моталась с лесоповала, жил где-то в соседнем районе, младшая дочь Катя жила с мужем и детьми на другом конце Нелюшки. Все рассказы бабки-Наташки о колхозном житье и как ей удалось поднять троих детей, достойны всей «деревенской прозы», включая «Матренин двор» Солженицына. Эти рассказы я мог слушать часами. Бабка-Наташка рассказывала, что горела дотла 3 раза. Единственным неподвластным огню предметом прежнего быта всякий раз оказывался коромысловый безмен. Порывшись в золе и пепле, бабка-Наташка трижды находила его в целостности и сохранности. Я давно, ещё в первый раз, когда мы купали у бабки-Наташки творог, заметил, что на коромысловом безмене всего четыре фунтовые насечки и спросил её – почему, мол, так? «И-и, миленький! Муж-то мой сидел в воскресенье 22 июня 41-го года на крыльце и ладил безмен. Как он четвертую насечку сделал, прискакал верховой

из центральной усадьбы и вручил мужу повестку. Отложил муж безмен, встал, собрала я его, и ушёл он в военкомат. А больше – только похоронка».

Соловки

Мы попали на Соловки в 60-ые годы. Музей и турбаза были только что организованы. Перед этим в монастыре размещалась воинская часть, и туристов возил на острова с материка военный катер. Говорили, что во времена, когда на островах находился СЛОН – Соловецкий лагерь особого назначения, настенные росписи в монастыре сохранялись, а когда отдали все помещения военным, они первым делом побелили все стены. Мы жили в монастырских кельях, путешествовали по окрестностям. «Архипелаг ГУЛАГ» Солженицына ещё не читали, поскольку он ещё не был написан, но видели кирпичные здания с сорванными с петель дверями. Хорошо сохранились только решетки на окнах. Местный народ занимался, в основном, добычей агар-агара – водорослей, из которых делают мармелад, пастилу и другие вкусные вещи. Ещё нас очень интересовала знаменитая соловецкая селёдка, о которой мы много слышали и, конечно, хотели отведать. Никто из нас соловецкой селёдки не пробовал, считалось, что довести её до Москвы невозможно – испортится. Как уж её доставляли к царскому столу – не знаю. Решено было откомандировать меня, как человека, любящего «работать с народом». Я постучался в одну из изб и, получив разрешение, вошёл. Очки с улицы сразу в тепле избы запотели, я, толком их не протерев, поздоровавшись с хозяевами, сказал: «Хозяева, как насчёт селёдочки?» – «Сколько тебе?» В моём представлении соловецкая селёдка была очень больших размеров, благодаря своей знаменитости, и я сказал: «Штуки две». – «Две штуки», – разочарованно сказал хозяин. – «Может, возьмешь хоть два килограмма?» Я радостно согласился. Знаменитая соловецкая селёдка оказалась размером чуть больше крупной салаки. Также, примерно, мы бываем разочарованы, когда видим вблизи знаменитого человека, а он оказывается маленького роста. Большую часть купленной селёдки – нежнейшего вкуса – мы благополучно съели под водку, а

часть пытались довести до Москвы. Но народ, как всегда, прав – пришлось выбросить.

В качестве одного из главных экспонатов посреди монастыря на небольшой высоте был подвешен на перекладине колокол, подаренный Иваном Грозным монастырю в честь того, что монахи отбили нашествие шведов. Около колокола сидела, как водится, старушка-смотрительница и даже разрешала легонько брякнуть языком колокола о край, отчего шёл очень низкий и приятный гул. Так вот, однажды утром вся турбаза была разбужена необычайно громким колокольным звоном, наполнявшим весь монастырь и округу. Мы бросились к узким окнам и увидели, что вокруг колокола стоит толпа людей с блаженными лицами, и они по очереди со всей силы бьют в колокол. Старушка бегаёт вокруг, кудахчет, а сделать ничего не может. Я наскоро зашнуровал кеды и помчался во двор, чтобы понять, в чём дело. Оказалось, что из Архангельска приехала группа глухонемых, и они обнаружили, что удары колокола через пятки доходят до их чувств. Т.е., они впервые в жизни почувствовали звуковую связь с внешним миром.

Пока все не назвонились, они не успокоились.

Картина «Макаров и Попов»

В нашем Институте в конференц-зале висит картина, на которой изображено, как изобретатель радио А.С.Попов показывает адмиралу Макарову действие изобретенного им аппарата. Я смотрю на эту картину уже скоро 50 лет. В целом, всё понятно. Наш Институт – радиотехники и электроники, и такой картине именно здесь место. Понятно также, почему Попов показывает своё изобретение Макарову. Радио, как новый вид связи, больше всего было нужно морякам. На суше вполне можно обойтись проволочным телеграфом. Совершенно ясно и то, что для развития работ нужны денежные средства. Их-то и надеется Попов получить у адмирала Макарова. Поэтому, пользуясь современным языком, я называю эту картину: «Попов испрашивает целевое финансирование у военно-промышленного комплекса». Так я смотрел на эту картину много лет, и мне всё было ясно до тех пор, пока я не прочёл книгу А.Солженицына

«В круге первом». В этой книге, как вы, может быть, помните, описывается, что в «шарашке», где происходит действие, среди прочих «сидит» художник. И сказано, что он пишет названную выше картину. У меня сразу возник вопрос: как эта картина попала в наш Институт? Я построил для себя такую логическую цепочку: наш Институт был создан в 1955 г. как раз в то время, когда началась амнистия, стали выпускать политзаключённых, шарашки стали закрывать и естественно, что оставшиеся без работы начальники режима, начальники отделов кадров и как они там ещё назывались, искали себе работу. Было известно, что начальник нашего отдела кадров Геннадий Михайлович как раз пришёл из лагерной системы. Кстати, человек он был неплохой, но он был твёрдо уверен, что приходиться на работу всем научным сотрудникам надо ровно к 10-00. Вылавливая опоздавших, он стоял около проходной, ревностно следил за приходящими, и не дай бог было опоздать. Сейчас, когда научные сотрудники приходят и уходят, когда им заблагорассудится, странно вспоминать те времена. Так что я решил, что кто-нибудь из режимщиков, уйдя со старой работы, прихватил на память названную картину. Надо бы мне было расспросить кого-нибудь из ветеранов института, но я по молодости стеснялся, а когда набрался смелости, и спросить-то стало некого. Вся ситуация усложнилась, когда я узнал, что наш директор академик В.А.Котельников тоже работал в той же шарашке. То есть в системе МГБ, подведомственной Берию, и Берия хотел, чтобы и после закрытия шарашки Котельников продолжал работать в его системе. Котельников же хотел уйти от этих дел, он, можно сказать, вырос как учёный в МЭИ, и поэтому обратился за помощью к ректору МЭИ Голубцовой, очень энергичной и авторитетной даме, которая к тому же была женой Г.М.Маленкова. В результате Котельников пришёл в наш Институт сначала заместителем директора – А.И.Берга, а затем сам стал директором. Неужели Котельников принёс с собой картину или привёл с собой того режимщика?

Когда преемник В.А.Котельникова на посту директора академик Юрий Васильевич Гуляев услышал этот рассказ, он подтвердил, что В.А. ему рассказывал, это его рук дело!

Самогоноварение

Опыт с самогоноварением начался у меня с того, что муж моей первой жены – Алексей Акимов подарил мне стеклянный самогонный аппарат. Кто не знает, самогонный аппарат состоит из двух основных предметов – колбы литра на 3, куда наливается брага, и рефрижератора – трубки, в которую встроены змеевик. В саму же трубку подается через шланг от клизмы холодная вода из крана и сливается в раковину. Колба ставится на газовую конфорку, пускается вода, и на малом газу начинается подогрев. Через некоторое время брага начинает булькать, и вскорости начинает капать возжеленная жидкость. Пробуй! Это самая приятная часть процесса. А для получения браги надо взять 3 кг сахарного песка и три палочки дрожжей, залить водой в 10-литровую бутылку и перемешать. Бутылку надо поставить в тёплое место, и через несколько дней брага готова.

Мы в те годы жили на Преображенке в кооперативной однокомнатной квартире, и у нас был маленький сын. Процессом перегонки я обычно занимался вечером, сын и жена уже спали. Я усаживался на кухне, ставил колбу на конфорку, подставлял под капающий самогон бутылку и занимался «умственным трудом» – писал кандидатскую диссертацию. Приятным было сознание того, что даже если ничего не напишешь, нужная жидкость накапает. Правда, имелось две трудности: в процессе получения браги распространялся характерный запах, да и во время перегонки запах был весьма характерный, который чувствовался и на лестничной площадке. Могли настучать. Вторая трудность состояла в том, что не было воспроизводимости – вроде, всё делаешь одинаково, пропорцию и режим выдержишь, а получается то божественная влага, а то – «пить нельзя». Жена высказывала недовольство. В те годы мужчины всё мерили на бутылки, а женщины – на колготки. И мой основной аргумент состоял в том, сколько ты сможешь купить пар колготок, если мы для приёма гостей не будем покупать водки, а угостим самогомом. Жена вняла этому аргументу, но сказала: «Ты что-то делаешь не так! Дай-ка, я займусь этим сама!» Надо сказать, что у неё имелись «технические» наклонности, она занималась фотографией, всякие там провители-закрепители. Отстранила меня от процесса, и вос-

производительность значительно повысилась. Жена даже дошла до того, что, начав процесс перегонки, уезжала в свой техникум преподавать, и когда через положенное время возвращалась, бутылка была уже почти полной. Так дело и шло, в семье царили мир и согласие, укрепленные новыми парами колготок. Всё было хорошо до одного дня, когда её попросили заменить заболевшего преподавателя. У преподавателей замена – дело святое: сегодня – ты, а завтра – тебя. Не могла же она сказать: «Извините, у меня перегоняется самогон». Одним словом, она вернулась домой на два часа позже и вовремя: по линолеумному полу кухни уже побежали голубоватые огоньки. Это самогон переполнил бутылку и вспыхнул от конфорки (надо сказать, что сначала идёт самогон градусов в 60). В общем, приди она чуть позже, и сгорела бы наша кооперативная квартира, а то и весь кооперативный дом. На этом наши опыты с самогонованием закончились.

А вообще должен сказать, что под брюки в то время редкие женщины надевали целые колготки.

Журнал «Звезда»

Как-то, в 80-ые годы я поехал в командировку в Ленинград, и мой отчим попросил забрать из редакции журнала «Звезда» авторские экземпляры журнала с его мемуарами.

Я вышел из метро «Невский проспект» с тем, чтобы спросить у кого-нибудь из прохожих, как проехать на улице, где находилась редакция. Немного постояв, я обратился к одному пожилому гражданину с интересующим меня вопросом. «А что Вам там нужно?» – спросил он. Я мысленно ответил ему: «Не твоё собачье дело!», а вслух сказал: «Редакция журнала Звезда». – «А кто Вам там нужен?» Тут я начал кое-что понимать, мол, прохожий – не случайный и говорю: «Мария Васильевна». Это была зав. редакцией, которая, собственно, и должна была передать мне экземпляры журнала. – «Передавайте ей от меня привет», – сказал старичок. Журналы я благополучно получил и несколько дней ходил, раздувшись от гордости. Почти взлетал к потолку, как «Карлсон, который живёт на крыше». Действительно, представьте себе: многомиллионный

город, густая снующая толпа на Невском в конце рабочего дня, и я обращаюсь к первому встречному, который оказывается сотрудником журнала: «Звезда! Вероятность ничтожная! Какой, всё-таки, у меня орлиный глаз!

Однако, по прошествии некоторого времени моё чувство самовосхищения стало меркнуть. Я стал рассуждать так. К кому мы обращаемся на улице в первую очередь? К пожилым людям, поскольку они идут медленно. Выражаясь научным языком, у них большее «сечение захвата». Не будете же вы останавливать четырнадцатилетнего пацана,двигающегося вприпрыжку. Ну, какой процент пожилых людей в конце рабочего дня? Положим, 10%. Если в Ленинграде население 5 млн. человек, то считай, что выбор мне надо было сделать из 500 тысяч. Далее, второй признак, по которому мы инстинктивно обращаемся к прохожим – интеллигентное лицо. Ведь медленно может идти и бомж и поддатый работяга. Тут можно и на грубость нарваться, а то и по морде получить.

Ну, сколько у нас интеллигенции? Как говорится, тонкий слой. Будем считать 1 %. Получается, 5 тысяч. Тут уже выбрать гораздо легче! А что значит пожилой интеллигентный гражданин в нашей стране? Это, скорее всего, старый еврей. А значит, очень может быть, «русский литератор». Видимо, проведя подспудно в уме все эти выкладки, я и выбрал нужного человека. И ни о какой вероятности, равной одной миллионной и о моём орлином взгляде говорить не приходится. Кстати, фамилия моего отчима была Волькенштейн, а мемуары вышли под фамилией Крандиевский.

Всё это произошло 30 лет назад. Теперь-то у нас, куда ни плюнь, все – интеллигенты!

Лекция в Борке

В начале 90-ых, когда мы купили дом в селе Веретее возле посёлка Борки Ярославской области, я как раз стал апологетом «открытых систем» и продвигал эту идею где только можно. Учитывая, что Борки – маленький наукоград, я предложил прочитать лекцию на любимую мной тему. В Веретее мы поселились, можно сказать, благодаря знакомству с В.Цельмовичем – человеком замечательным во многих от-

ношениях, и он предложил прочитать мне лекцию в конференц-зале Института биологии внутренних вод РАН. Когда я вошёл в конференц-зал, я про себя ахнул – зал был заполнен весь, вплоть до последнего кресла, что в девяностые годы было большой редкостью для научных лекций. Пока я шёл к трибуне, я отметил, что преобладали женщины в возрасте 25-30 лет, т.е. в самом расцвете. Цельмович как ведущий, объявил мою лекцию со всеми моими регалиями. Вдохновлённый такой аудиторией, я очень старался сделать презентацию как можно лучше, доходчивей. Т.е., я «распустил хвост», как можно пышнее. Мне казалось, что зал сидел, затаив дыхание. Когда прошёл последний слайд «Спасибо за внимание», я сказал, что с удовольствием отвечу на все вопросы. «Пожалуйста, вопросы», – сказал Цельмович. Вопросов не оказалось. Как известно, вопросов не бывает в двух случаях: или всем слушающим всё совершенно понятно, или никто ничего не понял. Ещё не совсем остыв от своей вдохновенной речи, я истолковал отсутствие вопросов «в свою пользу», решив, что моё выступление было блестящим. Сходя с трибуны, я услышал, как Цельмович сказал: «Ну, раз вопросов нет, поблагодарим докладчика и переходим ко второму вопросу нашего заседания: О выплате пособий матерям-одиночкам».

На геологическом конгрессе

Как я уже говорил, мой отец Яков Алексеевич Олейников был геологом. И вот до войны с ним произошёл такой случай. Он участвовал как-то летом в работе геологического конгресса, проходившего в Ленинграде. Во время перерыва, когда он стоял и курил, к нему подходит одна довольно симпатичная дама и говорит: «Серж! Почему же ты вернулся и никак не объявился?» Отец говорит: «Гражданочка, Вы видно обознались и с кем-то меня перепутали». Дамочка приближается на опасно близкое расстояние и говорит с придыханием: «Серж! Как ты можешь такое говорить? Тем более, после всего того, что у нас с тобой было!» Отец говорит: «Гражданочка, я Вам никакой не Серж, а Олейников Яков Алексеевич! Хотите, я Вам паспорт покажу?» И лезет в карман за паспортом. Дамочка говорит: «Не надо мне твоего поддельного паспорта! Неужели ты думаешь, что я тебя

выдам. И наш сынок – вылитый ты!» Тут, на счастье, объявляют конец перерыва, и отец, быстро извинившись, уходит на заседание. Во время заседания он соображает, что у дамочки был роман с этим Сержем, видимо белогвардейцем, который потом эмигрировал, и теперь она решила, что он нелегально вернулся из-за границы. Как заядлому курильщику, в следующем перерыве отцу не терпится покурить, и он уходит на дальнюю лестницу. Не успел он затянуться папиросой, как дамочка, обойдя все курилки, снова подходит к нему с той же песней: «Серж! Я клянусь, что не выдам тебя, но я не могу без тебя жить, я никого больше не любила и т.д.». Отец всячески отнекивается, но дамочка никаких аргументов слушать не хочет. Тут опять звонок об окончании перерыва, и отец ускользает от настойчивой дамочки в зал. Но слушать докладчиков он уж не может, думая, как бы отделаться от дамы. Ему и смешно и надоело, и немножко жалко её. Тут заседание заканчивается, отец выходит в фойе и норовит скрыться в туалете, но дама тут как тут. И тут отца осеняет одна мысль. Он спрашивает: «Скажите, а у Вашего Сержа были на теле какие-нибудь особые приметы?» Дамочка закатывает глаза и говорит: «А как же? Разве я могу забыть родимое пятно у тебя под левой лопаткой, которое я так любила целовать, уставшая от объятий!»». Тогда отец крепко берёт её под руку и говорит: «Пойдёмте, со мной» и увлекает её в парк, прилегающий к зданию, где проходил конгресс. Уже стемнело, и отец, подойдя под свет фонаря, задирает на спине рубашку до самой шеи. Дама взглянула и говорит упавшим голосом: «Извините, ошиблась! Так похожи!»

Встреча с родственниками

Моя мама, находясь ещё до моего рождения в составе геологической экспедиции на Дальнем Востоке, решила разыскать своего дядю по материнской линии. Она не видела дядю со времён революции, но было известно, что он после скитаний во время гражданской войны живёт в Хабаровске вместе с женой. Мама их разыскала, оказалось, что они живут в «китайском» районе. Они несказанно обрадовались, в глаза маме бросилась их нищета, им даже нечем

было маму угостить. Но была у них очень весёлая и ласковая собачка, которая маму всю облизала, и мама, очень любившая собак, тоже её приласкала. Дядя с женой, извинившись, что нечем угостить, очень просили маму прийти завтра. Мама, конечно, согласилась. Назавтра, когда она пришла, все уселись за вполне богатый стол и предались разговорам и тостам за родню. В какой-то момент мама спохватилась, что не видит собачки, и спросила, где же она. Хозяева засмутились, и мама, в конце концов поняла, что им пришлось продать собачку, чтобы накрыть стол для дородной племянницы. Для китайцев собаки – деликатес.

А у мамы кусок стал поперёк горла.

Четыре тестя

Я женился четыре раза. Многие считают меня морально-неустойчивым. Но меня утешает высказывание Э.Хемингуэя о том, что жён надо менять раз в 10 лет. У меня в результате моих четырёх женитьб было четыре тестя, к сожалению, всех их уже нет в живых. Каждый из них был по-своему замечательным человеком. Первый тесть – Минаев Владимир Николаевич, художник, член-корреспондент Академии художеств. Второй тесть – Сафир Михаил Павлович, генерал-майор танковых войск, начавший служить ещё в царской армии и встретивший революцию в чине подпоручика. Историю о том, как он стал красным командиром, я надеюсь когда-нибудь ещё написать. Третий тесть – Аин Александр Давидович, тоже был танкистом, история о том, как он стал танкистом, представляется мне очень характерной. Интересно и то, что будучи курсантом Бронетанковой академии, он учился у М.П.Сафира. Наконец, четвёртый тесть – Козлов Василий Николаевич – можно считать, односельчанин всесоюзного старосты М.И.Калинина, начинал трудовую деятельность на Пресне подростком во время войны, точил детали, стоя на ящике, чтобы управлять станком. И как рабочий был кормильцем семьи. Действительную военную службу проходил на Северном флоте, а служили тогда на флоте 5 лет, последние годы перед выходом на пенсию был токарем пятого, самого высокого разряда. Он успел поработать в кооперативе

опять же токарем, но сделал это не по своей воле, а как записано в трудовой книжке, «в порядке перевода». Василий Николаевич, несмотря на то, что «университетов не кончал», был начитанным человеком, многие книги из его библиотеки, особенно с маминым оформлением дороги и мне. Он много дал в духовном смысле своей дочери, моей нынешней жене. Из историй его жизни мне больше всего нравится история получения квартиры в доме на Кутузовском проспекте.

О каждом из тестей я надеюсь когда-нибудь написать поподробнее, дай Бог.

В.Н. Минаев. Михалков

Мой первый тесть Владимир Николаевич Минаев был художником-графиком, во время войны он работал во фронтовой газете, был очень общительным человеком и имел много знакомых. Поскольку лето мы проводили на даче на Николиной Горе, в посёлке РАНИС – работников науки и искусства, то среди знакомых В.Н. было много выдающихся людей, с которыми мне было лестно познакомиться. Приятно, конечно, когда тебе подаёт руку Михаил Ботвинник. Однажды тесть взял меня с собой на дачу Сергея Михалкова, с которым был знаком ещё с довоенных времён, знаменитого многократно награждённого детского поэта, а, в основном известного, в качестве соавтора Гимна Советского Союза. Как известно, в более поздние времена Михалков удачно заменил строчки «Нас вырастил Сталин на верность народу» и ряд других, и гимн стал гимном новой России.

Когда мы вошли на территорию дачи, было прекрасное летнее утро, небо было безоблачным, и ярко сияло солнце, ещё не успев высушить утреннюю росу. Мы увидели такую сцену. Сергей Михалков в белоснежном кителе (сталинке), полностью соответствующем гордым строкам гимна, торжественно выгуливал на поводке вокруг клумбы красавицу немецкую овчарку, тоже, в целом, одного из символов сталинской эпохи. И, наверное, тоже – многократную медалистку. При этом длинный поводок был намотан на его ладонь. Началась милая беседа

двух старых друзей, в которой я, конечно, принимал минимальное участие, подобострастно оглядывая знаменитого хозяина и осматривая дачный участок. Кругом цвели и благоухали красивые растения. В общем, всё соответствовало. Вдруг я заметил пробирающуюся вдоль дальнего забора кошку. Должно быть, на секунду раньше кошку заметила и овчарка, рванулась с места, и её знаменитый хозяин, ничего не успев понять и предпринять, свалился с ног. Овчарка протащила его в белоснежной сталинке через клумбу со свежей землёй, кошка взлетела на берёзу. А мы с тестем тихо ушли, затворив за собой калитку, чтобы не было свидетелей нарушенной гармонии.

Наркомовские 100 граммов

Как известно, наркомовские 100 грамм – норма водки, выдававшаяся во время войны бойцам Красной Армии. В изложении моего тестя, генерал-майора Сафира Михаила Павловича, воевавшего ещё в первую мировую войну, история этого термина звучала следующим образом. В царской армии нижним чинам даже в мирное время полагалась в день чарка водки. Причём, если ты по каким-то соображениям, например, религиозным, не пил, мог получить деньгами. Потом разразились революция и гражданская война, и по этой части у красных был полный беспредел – экспроприировали спиртное в первую очередь. Действительно, в знаменитом фильме «Ленин в Октябре» запомнились кадры, когда Антонов-Овсеенко в Зимнем препятствует атаковавшим прорваться вниз по лестнице к винным подвалам, а направляет их наверх, где заседает Временное правительство.

После окончания Гражданской войны было принято решение, что бойцам Красной Армии выпивка ни к чему, и запрет действовал довольно строго до Финской кампании. В Финскую кампанию стало ясно, что русскому солдату в трескучие морозы без этого никак нельзя, и в войска стали завозить спиртное, но ввиду отсутствия норм и контроля за выдачей, кому-то доставалось много, кому-то ничего. Финскую кампанию мы, как известно, «позорно выиграла», и был поставлен вопрос о норме, и поручили это дело со-

ответствующему институту РККА. Опять же, как известно, такого рода работа занимает обычно два года и состоит из двух стадий: НИР – научно-исследовательской работы и ОКР – опытно-конструкторской работы. Так вот, Финская кампания закончилась, как известно, в 1939 г., а ВОВ началась 22 июня 1941 г., т.е. НИР уже закончилась, а ОКР – нет. А вопрос надо решать, и нарком обороны маршал Тимошенко позвонил начальнику института и спросил о результатах. Начальник института, стоя навывтяжку, как положено при разговоре с наркомом, с трубкой в руке ответил: «Товарищ нарком! Так ОКР ещё не закончена. Пока ясно, что поллитра – много, а рюмка – мало». Тут, якобы, Тимошенко и произнёс ключевую фразу: «Ну, думаю, 100 граммов будет нормально». Так эти «наркомовские 100 грамм» и остались в истории. Недавно, правда, я проверял эту историю по Интернету, там есть отличия. Но для меня версия такого очевидца, как Михаил Павлович гораздо весомей, тем более, что дальнейшую историю уж никак нельзя подвергнуть сомнению. В декабре 1941 года Михаил Павлович, тогда ещё полковник участвовал в обороне Москвы на линии Наро-Фоминск – Кубинка. Так вот, он рассказывал: «Еду я вдоль передовой и вижу: лежат через пятьдесят метров в вырытых мелких окопчиках наши бойцы, все в ватничках, в ватных штанах, валеночках и ушанках. И все мёртвые, да не убитые а замёрзшие. А дело в чём? В войсках была специальная должность – спиртоносы. Спирт тащить легче в два раза, чем водку. И как только вражеский обстрел заканчивался, первыми ползли на передовую спиртоносы, а не разносчики борща да каши. Поскольку русскому человеку сначала надо выпить, а потом уже поесть. А принесёшь сначала еду, можно и по морде получить, хорошо валенком, а то и прикладом! Вот дополз спиртонос, налил двух, а то и трёхдневную норму спиртяшки и пополз дальше. А боец хлопнет неразведённого, закусит снежком, а тут и немец опять начнёт мины кидать. Вот горячего и не доставят. И засыпал боец захмелевший, а дальше мороз делал своё дело».

Сейчас продают водку «Наркомовские 100 грамм», и в комплект сверху приделан стакан с этой надписью. Тут – то я эту историю и вспоминаю.

А.Д. Аин. Как стать танкистом

Мой тесть-3 Александр Давидович Аин тоже был танкистом, причём, по воле судьбы, он учился в бронетанковой академии у моего тестя-2 Михаила Павловича Сафира. История о том, как А.Д.Аин стал танкистом, мне кажется достаточно интересной. А.Д.Аин был родом из еврейской небедной семьи, но после революции он проникся её идеями и стал активным комсомольцем и строителем социализма. Под конец жизни он записал на магнитофон свои воспоминания, к сожалению неизданные, а, по-моему – представляющие характерное свидетельство эпохи. Важной вехой биографии тестя было его участие в строительстве Сталинградского тракторного завода. Будучи смекалистым юношей, он стал передовиком, закончил рабфак без отрыва от производства и по окончании строительства завода был направлен в Москву на учёбу в Тракторный институт. Сколько-то времени он проучился и должен был стать инженером по тракторостроению. Но однажды утром, открыв газету «Правда», он прочёл, что по постановлению партии и правительства в связи с созданием бронетанковой академии Тракторный институт реорганизуется в инженерный факультет академии. Так, по воле свыше он стал курсантом академии, успешно её закончил до войны и был направлен на Дальний Восток. На фронт он попал уже где-то в середине войны и прослужил под началом маршала Ерёменко, отвечая за ремонт танков в масштабах фронта, ранен не был и получил несколько боевых наград. Закончил войну в звании полковника и под конец жизни весь его мундир был увешан памятными медалями, несравнимыми «по цене» с теми несколькими боевыми наградами. После войны он служил главным инженером на Львовском заводе по ремонту танков. До 1948 года никто ему не напоминал о еврейском происхождении, но по записям в его военном билете видно, что, начиная с 1948 г., его карьера резко пошла на убыль. А.Д.Аин был человеком очень чистой души. Как-то я спросил его, почему он выписывает «Известия», а не «Правду». Он мне сказал, что с 1948 года не выписывает и не читает газету «Правда», поскольку она развязала борьбу с безродными космополитами!

Он очень переживал развал Союза и социалистической системы, которую он строил и искренне любил.

В.Н. Козлов. Квартира

Мой тесть-4 Козлов Василий Николаевич родился в деревне Константиново на берегу реки Медведица в 12 км от села Троица Тверской области – родины всесоюзного старосты М.И.Калинина. В возрасте трёх лет был привезён в Москву матерью, бежавшей от «прелестей» колхозной жизни. Его юность и молодость прошли около Трёхгорки на Красной Пресне, в Малом Предтеченском переулке. Как я писал в рассказе «Четыре тестя», работать В.Н. начал токарем во время войны. Когда пришла пора, В.Н. был призван на срочную военную службу, проходил её на Северном флоте, на сторожевом катере и всю жизнь оставался патриотом Северного флота. Он говорил, что у нас в стране есть только два настоящих флота: Северный и Тихоокеанский. Балтийских моряков он называл «лягушатниками», потому что, якобы, даже в середине Балтийского моря со всех берегов слышны лягушки, а черноморцев – «курортниками», это объяснять не надо. Служил он, по всей видимости, хорошо, потому что однажды в кубрик, где он отдыхал после вахты, пришёл замполит и завёл такую беседу: «Вот присматриваюсь я к тебе, Василий, и вижу, что служишь ты хорошо, стараешься, парень начитанный, товарищи тебя уважают, думаем наградить тебя Знаком отличника боевой и политической подготовки». В общем, говорил все слова, которые говорят замполиты, готовясь сказать что-то важное. Потом сказал: «Ты ведь из Москвы с Красной Пресни, славной своими революционными традициями?! А как у тебе жилищные условия?» И тут В.Н. рассказал замполиту про свои жилищные условия. А заключались условия в том, что В.Н. жил во флигелёчке, принадлежащем туберкулёзному диспансеру и находящемуся между диспансером и церковью Иоанна Предтечи. (Мне эта церковь близка потому, что в ней отпевали мою маму, отчима и ещё нескольких близких мне людей). И занимала семья В.Н. из пяти человек в этом флигелёчке комнату в 9 кв. метров. Тогда замполит расстегнул свой планшет, вырвал тетрадный лист, достал ручку и сказал: «Давай, Василий, пиши заявление на улучшение жилищных условий, указав основные факты, а я отошлю твоё заявление в Москву, военкому». Так и было сделано. И В.Н. получил в результате квартиру, причём на Кутузовском проспекте, неподалёку от гостиницы «Укра-

ина». Произошло это не сразу. Он успел дослужить, а служили тогда на флоте 5 лет, жениться, родить дочку Олю (мою нынешнюю жену). Теснота в комнатухе была такая, что маленькая Оля спала ночью в корыте на обеденном столе. Но, в конечном счёте, семье дали в 1961 г. даже две квартиры – однокомнатную в районе Мичуринского проспекта, куда въехал младший брат В.Н. с женой, и трёхкомнатную, куда въехали пять человек. Надо сказать, что дом предназначался для иностранцев, но иностранцы, посмотрев квартиры, отказались. Сказали: «Живите сами!» Действительно, дом снаружи вполне respectable, облицованный жёлтым кирпичом, но внутри был – чистая «хрущёвка»: с 5-метровой кухней, стенки обшиты сухой штукатуркой, большая комната – проходная. Но, по тем временам для советских людей это был почти дворец. И не только для простых советских людей. В соседней квартире жила семья будущей звезды театра и кино Татьяны Лавровой, на втором этаже получила однокомнатную квартиру семья Евстигнеев-Волчек. Здесь родился их сын тоже нынче звезда – Денис. И Евгений Евстигнеев бегал с бутылочками в авоське на молочную кухню. В соседнем подъезде получил квартиру поэт Роберт Рождественский. Т.е., дом был престижным. А при советской власти был такой порядок: в престижных домах какой-то процент квартир давался рабочим. Egalite! И мне кажется, что это было правильно! И когда мы сейчас ругаем советскую власть, я всегда думаю, что были и такие положительные моменты.

Сейчас, когда я говорю знакомым, что живу на Кутузовском проспекте, меня считают почти олигархом.

КРЕМЛЁВСКИЕ ДЕТИ

Так как-то случилось, что моя жизнь связана с «кремлёвскими детьми» – Светланой Сталиной, Галиной Брежневой и Сергеем Хрущёвым.

Светлана Аллилуева

В начале 60-х годов мои родители познакомились с дочкой Сталина Светланой, и она часто бывала у них дома.

Конечно, с учётом разницы в возрасте, надо бы говорить Светлана Иосифовна, но все вокруг и вся страна говорили – Светлана. А я что – хуже? К тому времени я уже женился, от родителей съехал, шла своя жизнь, и я Светлану ни разу у родителей не встречал, о чём сейчас жалею. Но, тем не менее, она тоже повлияла на мою биографию в худшую сторону и поэтому я тоже причисляю себя к «жертвам культуры личности», если не сильно кощунствовать. Надо сказать, что мой отчим Фёдор Фёдорович Волькенштейн (Ф.Ф.) сильно располагал людей к исповедальности. Видимо, сказывалось то, что его дед со стороны матери был православным священником, а дед по отцовской линии – раввином. Поэтому Светлана ему много чего рассказывала из своей жизни, и он всё говорил ей: «Ты должна всё это написать!» Так родилась её первая книга «Двадцать писем к другу», адресованных, моему отчиму Ф.Ф., как сама Светлана пишет в своей «Книге для внушек».

Так вот, прихожу я однажды к родителям, и они говорят: «Садись в это кресло. Прочти вот это и забудь!» И дают машинописный текст страниц на 100. Вот советский менталитет! А со времени смерти Сталина прошло больше 10 лет. Как увидим дальше, боялись они не зря. Я, как было велено, прочёл и молчал, сколько мог. Как известно, когда в Москве умер её муж-индус, Светлана добилась разрешения предсовмина и члена Политбюро А.Н.Косыгина отвезти его прах в Индию, чтобы развеять над Гангом, согласно обычаям. Существует версия, что Светлана положила машинописную рукопись в урну с пеплом, так миновала досмотр на нашей границе и благополучно доставила её в Индию. На самом деле рукопись перевёз посол Индии в СССР, пользуясь дипломатической неприкосновенностью. После совершения ритуала захоронения Светлана пришла в американское посольство и попросила политического убежища. Оказавшись за границей, Светлана заключила договор на издание книги. Для советской власти сам факт бегства дочери Сталина был весьма неприятным, поскольку Сталин оставался чёрно-белой фигурой (а сейчас?). Но самое неприятное заключалось в том, что книга должна была быть выпущена к 50-летию советской власти к концу 1967 г. и, конечно, было ясно, что враги Советского Союза используют этот факт, чтобы подпортить нам праздник. И тут КГБ

проявил большую смекалку. Они сообразили, что в стране должен оставаться ещё хоть один экземпляр рукописи. Они поспрошали сына Светланы Осю, и он назвал всех ближайших знакомых, в том числе Ф.Ф. Далее Осю «попросили» позвонить Ф.Ф. и спросить, нет ли у него каких либо материалов от Светланы. Ф.Ф. понимая, что КГБ откровенно врать нельзя, ответил, что вот тут в передней лежат какие-то бумаги, завёрнутые в газету, которые забыла Светлана, а он не распаковывал и не читал. О, простота! И Ф.Ф. сказал Осе: «Приходи, можешь забрать!». Ося с невинным видом пришёл и забрал рукопись. Далее «наши» провели, по моему мнению, весьма остроумную акцию. Подключили к ней Виктора Луи, как теперь мы знаем, весьма одиозную фигуру, советского поданного с тюремным прошлым, корреспондента западной прессы и «серого кардинала» КГБ. С помощью В.Луи нашли не очень чистоплотное заграничное издательство, не поставившее вопрос об авторских правах и быстро издавшее книгу «Двадцать писем к другу» сравнительно небольшим тиражом, «подправленную» в особо опасных для Кремля местах. Тем самым, взрывной эффект от выхода основного тиража был сильно снижен. К Ф.Ф. позвонил и приезжал, конечно, с подачи Светланы, представитель издательства, с которым у неё был договор, и Ф.Ф. ему рассказал, как пришлось отдать рукопись. Этот визит тоже, безусловно, был зафиксирован нашими славными органами. А дальше начались санкции: отчима отравили на пенсию, маме так никогда и не дали визу для поездки во Францию, где жили её двоюродные братья. А со мной получилось так. Я должен был ехать по приглашению фирмы Шлюмберже в Париж и тут я опять недооценил всезнание КГБ. Заполняя анкету, я решил не упоминать отчима. Я рассудил так: отчим – не прямой родственник, а спрашивают о ближайших родственниках, я давно живу отдельно, и у меня жив родной отец. Но их не проведёшь! Всё шло хорошо, у меня уже на руках был авиабилет на завтра, и тут в коридоре Управления внешних сношений АН СССР (филиале КГБ) ко мне рысью подбегает сотрудник УВС и буквально выхватывает у меня из кармана билет. В те времена порядки были такие: заключительное действие по выезду называлось «решение ЦК», его давали в последний день, и они с помощью «младшего брата» – КГБ

докопались, умницы. Так я и остался невыездным до распада Союза, почему и считаю себя «пострадавшим от культа личности».

Известно, что когда Светлана в 1984 г. ненадолго вернулась на Родину, пытаясь начать жизнь заново, она посетила моего отчима, уже совсем больного.

О чём они говорили, толком не знаю.

Галина Брежнева

С Галиной Леонидовной я встречался раза два на днях рождения подруги моей жены – Люси. Это произошло следующим образом. Мы с женой пришли на день рождения к Люсе. Это было где-то в 80-ом году. В те времена продукты, особенно для праздничного стола, представляли собой дефицит. Но, как правило, в большинстве домов на праздниках стол был уставлен всем этими дефицитами, добытыми разными правдами и неправдами. У нас, например, дома эти «рыбы и буженины» добывались через т.н. «собачницу» – знакомую жены, у которой, как и у нас, был эрдельтерьер. А сама она работала заведующей производством в ресторане «Советский» (ранее и ныне – ресторан Яр). Так вот, приходим мы в гости, садимся вскоре за стол, я обращаю внимание, что гостей что-то негусто, но начинаем выпивать-закусывать. Через некоторое время звонок в дверь, и вваливается компания человек в шесть. В основном, дамы среднего возраста, немного подержанные с вызывающе дорогими украшениями и двое мужчин – один солидный с военной выправкой, второй – красавчик, лет двадцати с небольшим. Ещё обратили на себя внимание принесённые новыми гостями подарки. В нашем кругу хорошим подарком считались колготки, чашка с блюдцем и что-то в этом роде. Тут же принесли несколько огромных коробок с косметикой. Гости рассаживаются за столом, и справа от меня оказывается дама, напоминающая чьи-то портреты, слева – тоже какая-то довольно интересная дама. Застолье продолжается, я продолжаю шутить в том духе, что в магазинах ничего нет, а стол ломится от яств, и дальше замечаю, что центр внимания сместился к даме справа, все блюда предлагаются ей в пер-

вую очередь. Зато дама слева оказывает мне под столом знаки внимания. Начинаю присматриваться к даме справа и вижу, что она напоминает портреты молодого Леонида Ильича. Справа от неё сидит красавчик, ему, видно, хочется потанцевать, но она ведёт себя с ним, как кошка с пойманной мышью, чуть отпустит, а потом опять – цап. Начинаю трезветь и соображать who is кто? Мужчина с военной выправкой, похоже типа охранника, сидящий напротив, внимательно на меня посматривает, дама слева, оказывающая мне внимание – его жена. Продолжаю соображать дальше, не ляпнул ли я чего-нибудь такого? Решаю, что пропадать, так с музыкой. Начинаю демонстрировать, всё чему меня учили добрые люди, например, «выпивать аршин водки», это когда выстраивают штук 7 наполненных водкой рюмок в ряд и надо их подряд выпить, не закусывая. Выпиваю с тыльной стороны ладони, отставив горизонтально локоть, и всё в том же роде. Одним словом, я здорово наклюкался. Когда именитые гости уходили, я вышел на площадку их провожать и сбросил вслед им санки. Утром, когда я дома проснулся и стал всё с ужасом вспоминать, подумал: «Придут за мной или не придут?» Но, примерно, к часу дня по телефону поступила от Люськи информация, что я признан Галиной «своим человеком». Люська тоже хороша – могла бы сказать, кого мне ждать в гости. Второй раз, мы были уже подготовлены, Галина говорила, что папа совсем плох, всё плачет и просит соратников, чтобы отпустили на покой, да не пускают. Я почему-то представил, как Леонид Ильич плачет над ядерной кнопкой, и чем это может для мира кончиться.

Чем кончилось, вы сами все знаете.

Сергей Хрущёв

С Сергеем Хрущёвым мы сотрудничали несколько лет в 80-е годы, участвуя в совместных разработках по части средств автоматизации. В то время он работал заведующим отделением в Институте электронных управляющих машин (ИНЭУМ). А попал он туда после работы в КБ знаменитого конструктора ракет Челомея. Конечно, мы понимаем, что Челомей разыгрывал эту карту в своей жёсткой конкурен-

ции с другими конструкторами. В 26 лет Сергей уже был лауреатом Ленинской премии, но вскоре после снятия Никиты Сергеевича, Сергея «ушли» из КБ и он оказался в ИНЭУМе. Надо сказать, работать с Сергеем было легко, характер у него был ровный, вдумчивый, лицом он был похож скорее на свою мать, чем на отца. Однажды я был у него дома. Запомнилось обилие портретов отца – Н.С. с охотничьими трофеями. Во время работы, по крайней мере, я ничего не знал о его «тайной», полной страстей жизни. О том, что он готовит мемуары Никиты Сергеевича для передачи на Запад, как это описано в изданных впоследствии Сергеем книгах. В общем, мы сотрудничали-сотрудничали, и эта работа закончилась представлением определённого коллектива, куда входил и Сергей, на премию Совета Министров СССР. Эта премия была, конечно, пониже, чем Государственная премия. Тем паче, Ленинская, но тоже – уважаемая. И вручать нам её должны были в Свердловском зале Кремля. Случилось так, что как раз в этот день Сергей должен был вылетать куда-то в соцстрану, вроде в Чехословакию, и ему надо было сделать выбор: или получать премию или улетать. Ему, безусловно, очень хотелось лично получить премию, поскольку ему было важно показать людям, что Ленинская премия, полученная во время работы у Челомея, дана ему не только за фамилию. Но и отказаться от поездки ему не хотелось, так как раньше он часто ездил за границу с отцом. С момента снятия Хрущёва-старшего с должности Сергей стал невыездыным. Тут же впервые снова выпустили, хоть и в соцстрану. Премии вручали в алфавитном порядке, как известно, фамилия Хрущёв находится близко к концу алфавита, и Сергей сделал попытку попросить, чтобы ему выдали пораньше. Но, протокол есть протокол, менять порядок отказались, и награда была вручена заочно.

Вручение премии Совмина связано с таким моментом. Дата вручения совпала с разгулом «сухого закона». Как быть? Нас 20 здоровых мужиков, и странно не отметить такое событие. С другой стороны – боязно, тем более, что многие были членами партии. Всё-таки решились и послали меня заранее в ресторан «Москва», ближайший к Кремлю, заказать стол на всю компанию. Я пришёл, ресторан был ещё пуст, и я на всякий случай заказал стол в самой глубине зала. Когда мы пришли после награждения, ока-

залось, что этот стол – прямо рядом с оркестром. Поэтому, когда мы говорили тосты, вспоминались слова из сказки: «Открывает щука рот, а не слышно, что поёт».

Потом, как известно, Сергей уехал в Америку, уже без всякого шума, как в случае со Светланой Аллилуевой. Времена изменились. Он стал политологом и выпустил несколько книг, конечно, связанных отцом. Последняя книга, которую я с большим интересом прочёл, называется «Реформатор».

Недавно Сергей Никитич с женой были у нас дома в гостях. Было, что вспомнить.

Банкет по поводу защиты кандидатской диссертации

Кандидатскую диссертацию я защищал в 1969 г. И успешно. В те времена такие события обязательно отмечались банкетом. В ресторане или в кафе. Во-первых, считалось, что ты вступаешь в большую науку. Перед тобой открываются перспективы и это – важное событие жизни. Во-вторых, достать продукты на большую компанию – было проблемой. А надо было позвать всю лабораторию, в которой ты делал диссертацию, и все тебе содействовали. Но кроме коллег надо было пригласить ближайших родственников, которые соперечивали. Ну, и ближайших друзей. В общем набиралось человек 30. Это «удовольствие» было достаточно дорогим, помогли «папа с мамой», но позволялось спиртное не заказывать в ресторане, а принести с собой, явно или тайно от администрации заведения. Я помню случай, когда на одном банкете водку принесли для конспирации в чехле от аккордеона. Поэтому мысль сэкономить на этом деле у меня теплилась. Решено было заказать банкет в ресторане «Лабиринт» расположенном на углу Нового Арбата и Садовой. В доме, где теперь «Казино». В поддержку себе я пригласил друга Салима, кабардинца, умеющего разговаривать с нужными людьми. К нам вышел метрдотель, в просторечии – «мэтр». Мы согласовали с ним меню, и тут он задаёт канонический вопрос: «Что будем пить?». Тут Салим берёт инициативу на себя и говорит «Мне с родины прислали коньяк! Вы не будете возражать, если поставим на стол?». Мэтр легко согласился: «Ко-

нечно, приносите». Мы, радостные, поехали на площадь Восстания, где в «высотке» жили мои родители и находился гастронóm. Потом мы купили ящик болгарского коньяка «Плиски» стоимостью 5 руб. бутылка (очень дешёво!), я попёр этот ящик в подъезд, где жили родители. Тащить довольно тяжёлый ящик приходилось, естественно, двумя руками, прижимая к животу. Тут я замешкался, поскольку с таким грузом открыть тяжеленную дверь затруднительно. Вдруг она сама открывается. Из неё выходит живущая в нашем подъезде Элина Быстрицкая, знаменитая актриса, сыгравшая Аксинью в «Тихом Доне». Быстрицкая, видя мои трудности, вежливо придерживает открытую дверь, пока я пройду с драгоценным грузом. Я говорю «Спасибо большое!», а про себя думаю: да, всё-таки, не любому-всякому знаменитая актриса придерживает дверь! Поднимаюсь к родителям, снимаю в кухне со шкафчика плетёную десятилитровую бутылку. Кажется, она всегда там стояла, да о том и слой пыли красноречиво свидетельствовал. Переливаю в неё купленную «Плиску». К началу банкета привожу бутылку в ресторан. Салим ставит её перед мэтром и вежливо спрашивает: «Попробовать не хотите?» – «С удовольствием!». Наливаем мэтру полбокала «Плиски», он, расширив ноздри, вдыхает её аромат. С видом большущего знатока отпивает и, наконец, произносит вердикт: «Да! Настоящий коньяк сразу чувствуется. Он пахнет солнцем и лозой! Не то, что у нас тут подают!». Счастливый, иду встречать гостей и, когда вхожу в банкетный зал, прихожу в ужас: я думал, что коньяк разольют по графинам, а оказалось, что весь стол уставлен бутылками с этикетками от самых дорогих коньяков – КВ, КВВК, Арарат, Тбилиси! Что тут скажешь? Мэтр из каких-то соображений, видимо, из лучших решил так поступить. Банкет прошёл успешно, но я попал, выражаясь на «шахматном языке», «в вилку»! Кто разобрался в коньяке, решили какой я дурак, как меня ресторан обманул. Те, кто не разобрался, решили, какой я дурак, потратив такие деньги! В общем, с какой стороны не гляди, я выглядел дураком.

Зато воспоминание о Быстрицкой грело душу.

Враги сожгли родную хату

В советское время существовали такие понятия: «выездной» и «невыездной». Этими понятиями обозначали человека, которого пускают за границу или не пускают. Для того, чтобы человек стал выездным, основным условием было членство в КПСС. Я был невыездным, а, например, мой начальник А.Н.Выставкин выездным. И вот как-то он должен был поехать в Западную Германию на какую-то конференцию. Одной из главных задач при выезде в капстрану, была экономия валюты, выданной на оплату гостиницы и на питание (суточные) с тем, чтобы купить что-нибудь, чего в нашей стране купить среднему человеку было не по карману. Долгое время символом такого товара были кассетные магнитофоны. Было два основных способа экономии: первый способ – привезти с собой консервы или копченую колбасу и второй способ – так исхитриться, чтобы тебя пригласили в гости местные профессора. Они, как правило и были инициаторами твоего приглашения на конференцию. А, когда тебя зовут в гости, с пустыми руками идти неприлично. Мы жили с Выставкиным в одном доме, и он просил отвезти его в Шереметьево на машине. Только тронулись, а он говорит: «Давайте на минутку заедем в магазин «Мелодию» на Новом Арбате. Хочу купить в подарок пластиночки». Остановливаемся возле «Мелодии», я остаюсь в машине, а А.Н. поднимается в магазин. Выходит он что-то очень быстро и показывает пластинки. Я обратил внимание на одну из них, с изображением женского хора в русских сарафанах и кокошниках. Я спрашиваю: «А Вы послушали?» – «Да некогда! Видите – русский стиль!». Ну, мы доехали до Шереметьево, и А.Н. улетел». Через неделю, после возвращения А.Н. из Германии, я спрашиваю его: «Ну, как пластинка – понравилась немцу?» – «Мог выйти большой конфуз, но к счастью обошлось». Дальше А.Н. рассказал следующее. Действительно немец пригласил А.Н. и ещё несколько участников конференции из других стран домой в гости. План сбывался, открывалась возможность поехать не в сухоматку и достичь экономии. И идёшь не с пустыми руками, слава богу! А.Н. надел свежую рубашку, завернул пластинку в газетку и отправился в гости. По прибытии в коттедж, А.Н. был представлен хозяином жене, расшаркал-

ся, как умел, и поцеловал ей ручку, т.е. выполнил светскую процедуру, непривычную для советского человека. После чего развернул газету и вручил принесённый презент. «О, русская музыка» – сказала, естественно по-немецки, фрау – «Послушаем после ужина!» После небольшого аперитива гости были приглашены за стол и А.Н. с чувством законной гордости ел и пил, поддерживая беседу на английском и выполняя тайную задачу экономии. Когда отужинали, хозяйка пригласила всех в гостиную и сказала: «А теперь мы с удовольствием послушаем пластинку, которую подарил наш дорогой гость из России!» Мужчины расселись по мягким кожаным креслам – им были предложены сигары – и приготовились слушать. А.Н., находящийся в центре внимания, тоже закурил непривычную ему сигару, хотя вообще был человеком некурящим. И вдруг из проигрывателя понеслось «Враги сожгли родную хату! Убили всю его семью!». А.Н. вжался в кресло, стараясь, чтобы его не было видно, сильно надеясь, что никто из хозяев и гостей не понимает по-русски. «Прекрасная песня! О чём в ней поётся?» – светски спросил хозяин – «О русской природе, о любви!» – не растерялся А.Н., понимая, что рано или поздно найдётся кто-нибудь из знакомых хозяина, который откроет ему глаза на смысл песни.

«В общем, слава Богу, обошлось!»

Докторская диссертация Т.М. Лифшица

После окончания физфака МГУ я попал по распределению в Институт радиотехники и электроники АН СССР в лабораторию Теодора Моисеевича Лифшица, которая занималась полупроводниками. Т.М. был очень хорошим экспериментатором, в то время кандидатом технических наук, соавтором двух открытий и вскоре он подготовил прекрасную докторскую диссертацию страниц на 400 и собирался её защищать. Надо сказать, что Т.М. был фронтовик, но в конце сороковых, начале пятидесятых годов попал под молотилку кампании с безродными космополитами, чуть-чуть не был уволен, спасла смерть Сталина, и этот страх, видимо, был им не изжит. Поэтому к защите он готовился весьма тщательно, достаточно сказать, что в качестве пер-

вого оппонента согласился выступить академик И.К.Кикоин (один из создателей атомной бомбы лауреат 4-х Сталинских премий, Ленинской премии и двух Государственных премий СССР. Защита прошла блестяще. Мне запомнилось, что И.К.Кикоин, сразу после своего выступления ушёл с заседания Ученого совета, давая понять, что он не сомневается в исходе защиты. После защиты Т.М. оформил все необходимые документы, отредактировал стенограмму, и «в установленном порядке» диссертация была направлена в Высшую аттестационную комиссию для утверждения. По получении диссертации ВАК посылал открытку с уведомлением, что диссертация получена. Вскоре такая открытка пришла, и Т.М. стал ждать следующего шага. Обычно, после прохождения рецензентов и соответствующего совета ВАКа, Президиум ВАКа в случае положительного решения утверждал решение о присуждении искомой степени, о чём приходила следующая вожделенная открытка. Как правило, на это уходило несколько месяцев, около полугода, и поэтому Т.М. сначала ждал спокойно, потом, по прошествии 6 месяцев начал беспокоиться и, наконец, отважился позвонить в ВАК и справиться о судьбе своей диссертации. И тут ему ответили, что его диссертация... утеряна! Случай небывалый! Что делать? Т.М. решил, что все разговоры о том, что антисемитизм как государственная политика изжит, остаются пропагандой и решил плюнуть и доживать свой век в кандидатах наук.

Каково же было его изумление, когда ещё через несколько месяцев пришла открытка с уведомлением об утверждении диссертации. Тут он, уже повеселевший, снова позвонил в ВАК, чтобы понять, в чём дело, тем более что, судя по газетам, ничего в политике нашей страны не изменилось. Оказалось, что одна из машинисток ушла в декретный отпуск, и на стуле, на котором она сидела, обнаружили диссертацию Т.М., завернутую в газету. Как известно, в те времена, т.н. офисных кресел не было, машинистки сидели на обычных стульях и чтобы было удобней печатать, подкладывали под попу что-нибудь пообъемней, в данном случае это была диссертация Т.М.

Я всегда говорил, что антисемитизм в нашей стране – наветы врагов!

Китайская тушёнка

В советские времена при поездке в командировку за границу, конечно, наряду с научными контактами, главной задачей была экономия выдаваемой валюты, с тем, чтобы можно было купить то, чего в стране не достать. А это значило, что питаться надо было всухомятку, и лучшим средством была сухая колбаса. Ну вот, в 1989 г. мы с А.Н.Выставкиным поехали, т.е., конечно, полетели в Пекин на большую международную конференцию «КА-МАК-1989». Станным образом, Китай считался капстраной, и гостиничные и суточные выдавали долларами! Когда мы, получив паспорта и имея билеты, бросились за вышеназванной сухой колбасой, оказалось, что достать её вообще невозможно. Единственное, что оказалось доступным, китайская тушёнка «Великая стена». И когда мы распаковали в гостинице чемоданы, оказалось, что каждый из нас привёз по пять банок «Китайской стены». Ну и, конечно по две разрешенных бутылки водки. Конференция проходила в том же отеле, была очень представительной, приехали специалисты из многих стран. В программе было написано «Перерыв на обед» (по-английски – Launch). Опасаясь, что за обед придётся платить, мы с А.Н., когда объявили перерыв, поднялись в номер, открыли банку тушёнки, налили естественно по 50 грамм и приготовились чокнуться. Вдруг, звонит телефон и нам говорят по-английски: «Просим русских гостей спуститься в ресторан на обед». Мы, сославшись на разницу во времени, отвечаем, что для нас еще слишком рано обедать. Кладем трубку, выпиваем за успехи и поддеваем по куску тушёнки. Опять звонок: «Просим русских гостей спуститься в ресторан на обед». Я думаю, что китайцы, конечно, поняли, что мы пытаемся съэкономить, но анекдота про «Халява, плиз» они не знали. Я отвечаю: «Мы неважно перенесли перелёт и есть, мол, не хочется». Снова выпиваем и закусываем тушёнкой. Картина повторяется снова. Памятуя о китайской настойчивости, мы сдаёмся и спускаемся в ресторан. О, позорище! Зал примерно на 500 человек, все столы заняты, кроме стола с советским флажком и, справедливости ради, с польским флажком. Поляки тоже оказались жлобами. В общем, обеды были бесплатными, и большую часть банок

с тушённой мы привезли домой в Москву. Получается, что тушёнка почти совершила кругосветное путешествие: сначала из Китая в Москву – 12 тыс. км., из Москвы в Пекин ещё 12 тыс. км. Ну и снова в Москву. Итого 36 тыс. км.

Помнится из уроков географии, что длина экватора 40 тыс. км.

Нина Ивановна Знаменская

В детстве я, как многие дети, достаточно часто болел. И как это было принято в интеллигентных семьях, при серьёзных заболеваниях родители приглашали «частных» врачей. Причём, этих врачей рекомендовали своим родным и знакомым и получалось, что все мы лечились у одного врача. Так вот, в течение долгого времени в качестве такого «межсемейного врача» выступала Нина Ивановна Знаменская. Это была статная женщина с красиво уложенной причёской. В те времена врач, приходя к больному, первым делом мыл руки, и поэтому для него заранее готовилось чистое полотенце. При начале осмотра врач просил дать чайную ложечку, чтобы осмотреть горло, требуя высунуть язык и сказать «Аааа!». Поэтому чайную серебряную ложечку тоже держали наготове и подносили на блюдечке. Впрочем, также себя вели и районные врачи с той разницей, что обычно сильно торопились в отличие от частных. Времена меняются, и когда я последний раз вызывал к теще врача, эта симпатичная молодая докторесса рук не мыла, а попросила дать ей бахилы! Вернёмся к Нине Ивановне. Я рос, детские болезни отступали, теперь на приёме у врача с трудом вспоминаешь, что ответить на вопрос: «Чем болел в детстве?». Я мужал, продвигался по работе, «улучшал свои жилищные условия». В начале восьмидесятых годов я жил в Гольянове в ведомственном доме. В те времена Гольяново ещё не было так застроено. Вблизи был неухоженный пруд. В общем, это было хорошее место для гуляния с собакой, а у нас тогда была эрдель-терьерша по кличке Шерри. И было очень приятно в выходной зимний солнечный день утром выйти с ней погулять на природу. Ну, эрдель-терьеров вы представляете – рыжая морда, лапы и живот и черный чепрак (спина). Мы были с ней под-

стать, у меня была рыжая борода, сам был в расцвете сил, и гулять с собакой выходил в своём любимом шофёрском полушубке, описанном мною в рассказе «Мой Серебряный бор». Мое убранство дополняла чёрная цигейковая ушанка и кожаные варежки. Одним словом, этакий русский богатырь, достойный кисти Кустодиева. И вот выхожу я однажды зимним субботним солнечным утром с Шерри из подъезда и вдруг вижу: у нашего подъезда останавливается «Москвичок» и из него выходит невысокая седая женщина, доходящая мне по грудь, но чем-то удивительно знакомая! Ба! Да это же Знаменская! «Нина Ивановна, здравствуйте!», – радостно говорю я. «Здравствуйте», – довольно сухо отвечает она. – «Вы меня лечили!».

Посмотрев на меня снизу вверх и окинув взглядом, Нина Ивановна говорит: «Видно, что неплохо лечила!»

Визит к Лисициану

Лет пятнадцать тому назад мне пришлось поехать в Париж. Впервые в жизни! Поездка была в составе делегации, но у меня было несколько адресов знакомых и знакомых знакомых. В том числе я был в гостях у одной девушки, которая просила отвезти в Москву лекарство для Павла Лисициана! Эта француженка училась раньше у Лисициана пению. Я с готовностью согласился. И не потому, что мне было интересно увидеть знаменитого певца. Была ещё одна причина. Дело в том, что в пятидесятых годах мои родители снимали дачу в посёлке Большого театра около станции Манихино Рижской железной дороги. Ну, и я проводил там всё лето. Одним из видов развлечения был дачный волейбол. Среди играющих мне запомнились две прелестные девушки восточного типа, дочери Лисициана – Карина и Рузанна. С того лета я их не видел, но знал, что они уже прославились как замечательный камерный дуэт. Я слышал также, что карьера Карины как певицы закончилась после автомобильной катастрофы. Говорили, что она при столкновении ударилась горлом о руль. Я надеялся увидеть сестер, вспомнить Манихино и т.д. По приезде в Москву я позвонил по телефону, который дала мне француженка. После длинных звонков к телефону подошла

женщина с глухим голосом. Я объяснил, что вот мол привёз лекарство и готов подвезти. Женщина сказала: «Давайте встретимся в метро». Ну в метро, так в метро, я понял, что домой не зовут, и вечера воспоминаний не получится. Поле некоторой паузы женщина сказала: «Ладно, давайте сделаем так. Вы привезёте лекарство к нашему дому, позвоните в домофон, и я спущусь».

Да, – думаю, – с вечером воспоминаний и восточным гостеприимством что-то не очень. Правда, я вспомнил о каких-то слухах, что кто-то когда-то ограбил квартиру Лисициана. Мало ли что бывает. И вечером поехал. Лисицианы жили на Советской площади в доме, где был книжный магазин №100, окна их квартиры выходили на ресторан «Арагви». Я подошёл к подъезду во дворе и звоню в домофон. Никто не подходит! И тут какой-то дядька тащит от машины разряженный аккумулятор, прижимая к животу, и просит помочь ему войти в подъезд. Я прошёл с ним, как Буратино в таверну за хвостом петуха. Поднялся на лифте на нужный этаж и стал искать квартиру. Это оказалось просто: на огромной площадке слева была всего одна дверь с нужным номером. Бросалось в глаза, что других дверей просто не было, Это наводило на мысль о большом количестве комнат в квартире и о том, как советская власть ценила своих знаменитостей. Нажимаю кнопку звонка. Долго никто не подходит. Потом слышу шаркающие шаги, и тот же глухой женский голос спрашивает: «Вам кого?». «Павла Герасимовича! Я привёз лекарство!» – говорю я, собираясь объяснить, почему я звоню в дверь. Женские шаги, шаркая, удаляются и через некоторое время приближаются другие шаги. Дверь открывается, и в проёме появляется седой старик сухого сложения с красивым, «высеченным из камня» лицом. Он довольно странно одет – верх: телогрейка, надетая на «солдатскую» майку синего цвета, низ: синие тренировочные шаровары, растянутые на коленях. На ногах тоже что-то соответствующее, шлёпанцы не шлёпанцы, чоботы не чоботы. Старик широко улыбается и говорит: «Спасибо, дарагой! Спасибо дарагой!» И протягивает руку за лекарством. Я отдаю лекарство, уже понимая, что никаких лирических воспоминаний не получится. А старик, всё также гостеприимно улыбаясь, теснит меня в сторону лифта и гово-

рит: «Спасибо, дарагой! Спасибо, дарагой!». Дверь лифта за мной закрывается. Так иногда встречаются с юностью!

Есть такая народная мудрость: «Не ходи по старым адресам!»

Газета к 50-летию Революции

В советское время в каждой уважающей себя организации выходила стенная газета (стенгазета). Выходила она и в моём родном Институте радиотехники и электроники, куда я пришёл на работу в 1962 г. О роли, которая придавалась стенгазете, можно судить по тому, что она курировалась партбюро, а главным редактором был директор института, вице-президент АН СССР, академик В.А.Котельников. И я стал членом редколлегии. А тут подошла знаменательная дата – 50-летие Великой Октябрьской Социалистической революции, 1967 г. И партбюро приняло решение поместить в стенгазете интервью с участниками революции и гражданской войны и поручило взять эти интервью вашему покорному слуге. Согласно данным отдела кадров, таковых участников оказалось трое. Я с энтузиазмом принялся за дело. Первым оказался главный механик Жабин. Я задал ему вопрос: «Кем он был, и какое самое яркое событие ему запомнилось?». Жабин ответил, что в гражданскую войну был красноармейцем, и запомнилось, как ему было поручено доставить верхом важный пакет в штаб. Мне запомнилось его выражение «Аллюр три креста», что означало крайнюю важность и срочность донесения. Жабин вскочил на коня и помчался во весь опор, понимая ответственность задания. И тут его ранили! Я, загоревшись, спросил: «Куда ранили?». Немного помявшись, Жабин ответил: «В мягкое место». Мне показалось это обстоятельство немного странным – кто стрелял, враги или свои?» Как об этом написать в газете. В общем я решил пойти к другому участнику – Смелякову. На те же мои вопросы Смеляков ответил следующее. Он также служил в Красной Армии, и в 1918 г. пришло сообщение, что в Германии началась революция, а это означало начало мировой революции, и наш интернациональный долг – поддержать немецких товарищей. И его полк выступил с песнями на помощь восставшим. Вот

идут они маршем, одна революционная песня сменяет другую, и вдруг колонну обгоняет легковой автомобиль, а в автомобиле сидят Лев Троцкий и Михаил Калинин! Доехав до головы колонны, автомобиль останавливается, и приехавшие высокие гости начинают выступать. «Что говорил Калинин, я не запомнил. Троцкий произнёс такую речь, что некоторые бойцы заплакали. Смысл речи состоял в том, что революция в Германии подавлена. Мы со своей помощью опоздали. Мировой революции пока не будет, и надо поворачивать назад! И мы зашагали и снова запели, но уже в другой, не такой бодрой тональности». Рассказ Смелякова мне очень понравился, он передавал дух эпохи. Смущал меня только Троцкий, поскольку слова «троцкизм» и «троцкист» были ещё страшными ругательствами. Как известно, убийца Троцкого Рамон Меркадер только в 1960 г. выйдет из мексиканской тюрьмы и получит в Кремле Звезду героя. Я решил посоветоваться в партбюро с Василием Васильевичем Андреичевым, курировавшим стенгазету. В.В., чуть подумав, сказал: «Давай изложим так, что эту яркую речь произнёс не Троцкий, а Калинин». Тут воспротивился я: «Это же фальсификация истории!». Решили и это интервью не помещать, а я оправился к третьему участнику. Назовём его просто «третий». Он оказался рабочим двора, это одна из самых непрестижных должностей. Задача их состоит в разгрузке-погрузке, таскании ящиков и других тяжестей. Работа тяжёлая и в любую погоду, что естественно приводит к тому, что рабочие согревались известным русским способом. Когда я подошел к участнику, он лыка уже не вязал. Тут я и подумал: «Революция дословно означает переверот. Недаром поётся «кто был ничем, тот станет всем!». А тут получается, что для того чтобы стать рабочим двора революция вроде не нужна?». В итоге в стенгазете, наш художник изобразил крейсер «Аврору». Крейсер полностью покрыл два ватманских листа.

Для чего наши деды и отцы совершали революцию?

Как ЮрМех решил вступить в комсомол

Мой друг Юрий Михайлович Коноплёв, которого мы друзья называли ЮрМехом, часто приглашал нас к себе на

дачу, в Шереметьевскую. Дачный участок находится в 10 минутах хода от станции в посёлке танкистов и был получен отцом ЮрМеха вскоре после войны, поскольку он служил в Бронетанковом Управлении Минобороны. Участки раздавались на основе дарственных от Сталина по простому правилу: генералу – гектар, полковнику – полгектара. Отец ЮрМеха, как раз, имел звание полковника, поэтому получил полгектара, и этот участок мне казался огромным по сравнению с новыми 6-ю сотками. Когда они впервые туда приехали, чтобы посмотреть, он весь был покрыт лесом. Поражало обилие грибов. Надо было строиться, а в те времена со стройматериалами для частного строительства было ой как плохо. И тут у отца ЮрМеха появилась возможность завезти деревянные ящики – тару от мотоциклов «Харлей-Девидсон», которые нам поставляли американцы. Помню, в моём детстве на них ездила милиция. Завезли груды этих ящиков, свалили в кучу и отец сказал ЮрМеху, которому было тогда лет 12. «Ну вот, у тебя каникулы, чтобы без дела не шатался, займись разборкой этих ящиков на досточки!». И выдал клещи и молоток. И ЮрМех приступил. Он приехал утром на дачном поезде, в те времена электричек на Савёловской дороге ещё не было, поезда тянул паровичок. Скорость поезд после остановки набирал медленно, и ЮрМех спрыгивал на ходу с подножки вагона напротив своего участка и вступал в единоборство с ящиками. Дело в том, что эти капиталисты сколачивали ящики уже тогда не как у нас на родине четырьмя гвоздями, а пневматическим молотком, да змейкой, да гвозди квадратные. ЮрМех намучился, разбирая эти проклятые ящики, и возненавидел капитализм всей душой. А когда по окончании каникул вернулся в школу, подал заявление на вступление в комсомол, чтобы установить социализм на всей Земле.

А домик из этих досок всё-таки построили, и он долго ещё стоял, уже покосившийся и подгнивший. Только спустя время там поставили большой бревенчатый дом.

Михаил Федорович. Калистово

Когда у нас в 1970 родился сын Павлик, было решено на лето снимать дачу. Сейчас меня удивляет, что в некоторых

семьях отправлять детей на все лето за город не считается обязательным. Ведь экология испортилась в десятки раз! Ладно, это отдельный разговор. Где снимать? У моей жены Наташи была сотрудница по техникуму и подруга Лера. Вот эта Лера и сказала, что они снимают дачу по Ярославской железной дороге вблизи станции Калистово в деревне Антипино. Ну вот, мы с Наташей и отправились в это Антипино где-то в марте, когда и снег ещё не сошёл. Нашего хозяина звали Михаил Фёдорович, по возрасту он годился мне отцы. А сняли мы у него небольшой аккуратный домик, очень похожий на домик трех поросят, но с терраской. Домик стоял на задворках, и за ним уже шли грядки с картофелем и дальше поле. С началом лета мы переехали и стали жить. Жить нам в нём очень нравилось. Естественно, стали общаться и время от времени выпивать с Михаилом Фёдоровичем. Вот однажды мы идём с ним по деревне, и я замечаю, что он как-то очень ласково здоровается со всеми старушками, которые встречаются или сидят на лавочках около своих домов. И я его спрашиваю: «Михал Фёдорыч! Чего это Вы так ласково со всеми бабусями здороваетесь?» – «Так, я на них всех был женат!» – «Как это?!». И М.Ф. рассказал следующее. Когда он вернулся с войны, был молодым и холостым, поселился в Антипино и поступил работать экспедитором на ликеро-водочный завод. Что такое экспедитор? Человек, сопровождающий ящики с водкой, которые развозятся по торговым точкам. «И под сидением у меня всегда была канистра со спиртом». «Вот однажды возвращаюсь я после рабочего дня в деревню, вылазю из кабины, подходит ко мне один дядька и говорит: «Здорово Миша! Почему бы тебе не жениться на моей дочке Вале? Свадьбу сыграем! Твоя выпивка, моя закуска! Всю деревню позовем!». Время было послевоенное, женихи в дефиците! Да и праздников мало! Я думаю: а почему бы и нет? Пора женой обзаводиться. Сыграли мы свадьбу, как полагается, всю деревню пригласили! Поселился я у жены. Стали жить-поживать! Примерно через полгода возвращаюсь я опять домой. Только стал из кабины слезать, подходит ко мне ещё один дядька, говорит, а почему бы тебе не жениться на моей дочке Маше. Девка видная, всё при ней!». Я говорю: «Да я ж женат! Ты ж сам гулял у нас на свадьбе!». «Ну и шо? Где их женихов нынче взять, а ты – экспедитор при ликеро-водоч-

ном заводе». «И сыграли новую свадьбу, опять пригласили всю деревню, и перешел я жить к новой жене. Всё тихо-мирно. Через некоторое время история повторилась. Вот и получается, что я был женат на полдеревни. Чего ж мне с ними ласково не здороваться?».

К этому времени М.Ф. был женат на последней жене, имел дочку, зятя и внучку, почти ровесницу нашего Павлика.

Света Расцепкина

Одно из сохранившихся воспоминаний – школьный бал-маскарад. Было велено придумать себе костюм. У меня дома отнесли к этому вопросу очень серьёзно. Было решено одеть меня эфиопом. Основу составляло какое-то хранившееся в сундуке старинное одеяние, не очень эфиопское, а по-моему, индийское – синего цвета с золотым шитьём, привезённое и подаренное когда-то до революции одним из родственников или знакомых. Как уж оно сохранилось – для меня тайна. На голову натягивался женский коричневый чулок, сразу делавший меня эфиопом, вместо глаз были пришиты две серебряные пуговицы, а рот был приклеен из красной бумаги. Конструкция была замечательна тем, что я сквозь чулок всё прекрасно видел, и легко дышал. На голову в виде чалмы было намотано белое вафельное полотенце. Нижнюю часть костюма завершали шаровары, изготовленные из белых пикейных (теннисных) брюк дяди Володи, к которым внизу были пришиты тесёмочки, завязывающиеся около щиколоток. Я думаю, что мама воспроизвела этот костюм из маскарадов времён своей молодости.

Успех был оглушительный, правда выяснилось, что так серьёзно отнесли только в моей семье, единственным конкурентом был Кот-в сапогах, но было явно видно, что это взятый напрокат реквизит. Все остальные были просто в разных покупных масках. Я завоевал все главные призы. Но это было не главное. Главное, что на меня обратила внимание одна из самых красивых девочек нашего класса Света Расцепкина. Света по внешности впоследствии у меня ассоциировалась с героиней рассказа И.Бунина «Лёгкое дыхание» Олей Мещерской. У Бунина, которого мы тогда

ещё не читали, О. Мещерская так описывает идеал красивой женщины: «Я в одной папиной книге, – у него много старинных смешных книг, – прочла, какая красота должна быть у женщины... Там, понимаешь, столько насказано, что всего не упомнишь: ну, конечно, черные, кипящие смолой глаза, – ей-богу, так и написано: кипящие смолой! – черные, как ночь, ресницы, нежно играющий румянец, тонкий стан, длиннее обыкновенного руки, – понимаешь, длиннее обыкновенного! – маленькая ножка, в меру большая грудь, правильно округленная икра, колена цвета раковины, покатые плечи, – я многое почти наизусть выучила, так все это верно! – но главное, знаешь ли что? – Легкое дыхание! А ведь оно у меня есть, – ты послушай, как я вздыхаю, – ведь правда, есть?»

Так вот, Света после моего успеха на маскараде согласилась в тот же вечер прогуляться по улице Горького. Я был опьянён своим успехом и её вниманием, быстро снял с головы чалму и чулок, надел поверх шаровар обычные брюки, надел пальто, кепку, и мы пошли быстрым шагом до Маяковки и дальше к центру по улице Горького. Я сделал было попытку взять Свету под руку, но она отстранилась, но я и так был счастлив. Мы так и шли на расстоянии двух-трёх шагов. О чём мы непрерывно говорили, не помню, но о чём-то говорили непрерывно, в общем, всё было прекрасно. Мы вернулись на Садовую, я проводил Свету до её парадной и пошёл домой. Подходя к своему подъезду, я вдруг обнаружил, что длинные, сантиметров двадцать, завязки от моих шаровар волочатся по асфальту.

Боже, всю мою эйфорию как рукой сняло! Я подумал: Света, конечно, всё видела, наверное стеснялась сказать и страдала. Во всех случаях наши отношения так до конца школы никакого развития не получили. Света поступила, кажется, в техникум учиться на аптекаршу, что несколько снизило моё сравнение с Олей Мещерской. Почему-то я впоследствии вспомнил эту историю, когда аналогичный случай произошёл с Юрием Гагариным, который строевым шагом шёл от самолёта докладывать Н. Хрущёву и другим членам правительства об успешном полёте в космос, и за ним волочились какие-то тесёмки, что видела по ТВ вся страна.

Сухая колбаса за границу

При советской власти с целью экономии выданных денег было принято питаться всухомятку в гостиничном номере. Лучшим продуктом с этой точки зрения считалась «сухая», т.е. копчёная колбаса. Но достать её в условиях перманентного дефицита – тоже была большая проблема. И вот как-то раз, куда-то мы должны были ехать, кажется в Венгрию, завтра выезд, а колбасы у меня нет. Я обегал все магазины – безрезультатно! Что делать – я получаюсь неполноценным членом делегации. И вдруг меня осеняет: пойду-ка я в буфет при академической столовой, что находится возле здания старого Президиума АН СССР по адресу: Ленинский проспект д.14, в Нескучном саду. В этой столовой мне приходилось обедать несколько раз. Пускали туда по институтским пропускам. Вот пришёл я в столовую, убедился, что в буфете продаются бутерброды с сухой колбасой, подошёл к буфетчице и в одной фразе излагаю свою проблему: «Завтра выезжаю за границу, а колбасы нет! Можете помочь?» Не высказав никакого удивления и не задавая никаких вопросов, буфетчица говорит: «Пройдите в конец зала и спуститесь по лестнице к заведующей». Я прохожу в указанном направлении, нахожу нужную дверь и спускаюсь по старинной винтовой плохо освещённой лестнице в подвал. Вижу, за столом под настольной лампой сидит дама в белом накрахмаленном халате и в меховой шапке, типа боярской и что-то считает на счётах. Я медовым голосом здороваюсь и теми же словами излагаю свою проблему. Ни слова не говоря, заведующая подходит к деревянному стеллажу, берёт с него батон колбасы, «завешивает» и говорит: «Два шестьдесят!» Ещё не до конца веря своему счастью, я расплываюсь, благодарю от всей души и поднимаюсь по лестнице, счастливо заправляя шарф и застёгивая пальто.

Ура! – я полноценный участник делегации!

Порай. Хеппи

В то время мой друг детства Алёша Порай-Кошиц (Порай) работал в театре на Таганке в должности заведующего постановочной частью (завпост). «Таганка» была в самом расцвете своей славы. Достать билет на спектакль было невероятно трудно. Должность завпоста предъявляет очень разносторонние требования к человеку, её занимающему. Он должен быть и театральным художником, и, в большой степени, снабженцем, и быть очень коммуникабельным человеком. В условиях перманентного дефицита при Советской власти, когда все доставали, а не покупали, ты естественно должен был иметь возможность работать по принципу «дашь на дашь». Так, при постановке «Вишневого сада», в каждом спектакле должны были, по замыслу постановщиков, с вишневых деревьев осыпаться цветы. А для следующего спектакля, в начале действия, вишневый сад снова предстал перед зрителями цветущим. Алёша договорился с соседней школой, и учащиеся к каждому спектаклю готовили новые цветочки вишен. Можете себе представить организационные трудности? Или вот ещё пример! Алёша сидит у нас в гостях. Вдруг звонок по телефону – исчезла белая мышка, которая должна бегать по голове у конферансье во время сцены в варьете в «Мастере и Маргарите». И вот Алёша бросает недопитый чай, садится в машину и несётся на Птичий рынок покупать злосчастную мышку к вечернему представлению. Так вот, о «Мастере и Маргарите». Как мы все помним, согласно М.А. Булгакову, у прокуратора Понтия Пилата был любимый пёс Банго. Этого Банго играла найденная Алёшей догиня, которую долго приучали к этой роли и, в частности, откликаться на имя Банго, хотя кличка у неё была от рождения совсем другая. И вот, вдруг, нам домой звонит Алёша: «Выручайте! Догиня заболела! У неё мастит! Спектакль срывается!» Алёша знал, что у нас есть одна знакомая – Алла Даниловна, у которой есть тоже догиня по кличке Хэппи. Срочно созваниваемся с Аллой Даниловной. Хэппи, которую не готовилась к сценической карьере, моют шампунем и привозят в театр. По замыслу постановщиков сцена выглядит так: Понтий Пилат, мучимый мигренью, стоит на сцене в тунике и в сандалиях и жалостным голосом зовёт: «Банго! Банго!»

А собака ждёт команды у пожарного выхода в конце прохода между рядами. Чтобы она раньше времени не сорвалась, ее держат за ошейник. Но попробуй научи за час собаку откликаться на другую кличку! Что придумывает Алёша? За спиной Понтия Пилата в неосвещенной глубине сцены стоит Алла Даниловна, Хеппи держит за ошейник моя жена Наталья, и, когда Понтий зовёт громко: «Банго-Банго», Алла Даниловна громким шепотом зовёт: «Хеппи, Хеппи!». В общем, спектакль начинается, приближается описанная сцена. Понтий Пилат зовёт Банго, Алла Даниловна шипит: «Хеппи!Хеппи!», Хеппи настораживает уши, вертит головой, ничего не понимая. Сцена повторяется, ещё меньше понимают зрители, особенно тонкие знатоки Булгакова. И так – три раза. Ситуация усложняется тем, что Алла Даниловна почти в два раза толще Понтия Пилата, и ее контуры просматриваются в глубине сцены. Наконец, Алла Даниловна, спасая ситуацию, командует громко: «Хеппи, ко мне!» Хеппи напрягается, жена отпускает ошейник, и Хеппи бросается по проходу, пугая зрителей из крайних кресел, взлетает на сцену, сшибает Понтия Пилата, который подлетает сандалиями вверх, и бросается на грудь хозяйке – Алле Даниловне!

Я думаю, Булгаков был бы доволен.

СОДЕРЖАНИЕ

В раннем детстве	3
Посадка деревьев в МГУ	3
Как я не стал великим русским писателем	4
Мой Серебряный Бор	5
Большой концертный рояль Мясковского	7
4 фунта лиха	8
Соловки	9
Картина «Макаров и Попов»	10
Самогоноварение	12
Журнал «Звезда»	13
Лекция в Борке	14
На геологическом конгрессе	15
Встреча с родственниками	16
ЧЕТЫРЕ ТЕСТЯ	17
В.Н.Минаев. Михалков	18
Наркомовские 100 граммов	19
А.Д.Аин. Как стать танкистом	21
В.Н.Козлов. Квартира	22
КРЕМЛЁВСКИЕ ДЕТИ	23
Светлана Аллилуева	23
Галина Брежнева	26
Сергей Хрущёв	27
Банкет по поводу защиты кандидатской диссертации	29
Враги сожгли родную хату	31
Докторская диссертация Т.М.Лифшица	32
Китайская тушёнка	34
Нина Ивановна Знаменская	35
Визит к Лисициану	36
Газета к 50-летию Революции	38
Как ЮрМех решил вступить в комсомол	39
Михаил Федорович. Калистово	40
Света Расщепкина	42
Сухая колбаса за границу	44
Порай. Хеппи	45

СОЮЗ ЛИТЕРАТОРОВ РОССИИ
Библиотека альманаха “СЛОВЕСНОСТЬ”

АЛЕКСАНДР ЯКОВЛЕВИЧ ОЛЕЙНИКОВ
Сечение захвата

Короткие рассказы длиною в жизнь

Книжная серия «Визитная карточка литератора»

Редактор — Евгений Степанов
Верстка — Марина Кива
Корректурa авторская

Бумага офсетная
Гарнитура Calibri
Тираж 100 экземпляров
Сдано в набор 26.09.2013
Подписано в печать 12.10.2013

Издательство и типография
«Вест-Консалтинг»
109378, г. Москва, Есенинский бульвар,
д. 1/26, корп. 1, офис 34.
Тел. (495) 978 62 75